

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Джохадзе И.Д. — Неопрагматизм как Lebensphilosophie // Философская мысль. – 2021. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.7.36042 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36042

Неопрагматизм как Lebensphilosophie

Джохадзе Игорь Давидович

кандидат философских наук

заведующий сектором, Институт философии, Российская академия наук

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12/1, каб. 412

✉ joe99@mail.ru

[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2021.7.36042

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2021

Аннотация: В статье дается анализ современного американского прагматизма как «единого в его многообразии» течения философской мысли. Выявлены отличия неопрагматизма от прагматизма классического, главное из которых заключается в изменении представлений американских философов о специфике их дисциплины, о целях философии и ее месте в системе наук. Классики (Ч.С. Пирс, Дж. Дьюи, К.И. Льюис), имея в виду инструментальный успех и практическую направленность естественнонаучных программ, рассматривали современную им технотехнику как модель-образец для философских исследований, в то время как новые прагматисты делают ставку на cultural studies и герменевтику. Проблемы обоснования знания, верификации, логического анализа и научно-экспериментального подтверждения/опровержения гипотез, занимавшие классиков прагматизма, отходят на второй план, уступая место проблематике диалога, интерпретации и социальной коммуникации. Связанная с этим «коммунологическая тенденция» современного прагматизма получила радикальное выражение в этноцентризме Р. Рорти. Выделены характерные особенности и тенденции развития неклассического прагматизма в США и Европе, дана оценка нынешнего его состояния и перспектив. На основании проведенного анализа сделан вывод о значительном эвристическом потенциале прагматистской традиции и возможности ее продуктивной конвергенции с другими философскими направлениями и школами: в качестве «метода улаживания споров» (У. Джеймс), неопрагматизм, с учетом востребованности его идей и растущей популярности среди европейских философов, может внести определенный вклад в сближение и взаимообогащение англо-американской аналитической и континентальной философии, в преодоление раскола между двумя интеллектуальными традициями.

Ключевые слова: неопрагматизм, аналитическая философия, язык, опыт, социальная практика, коммуникация, сообщество, Рорти, Патнэм, Брэндом

Новейший этап развития американского прагматизма связан с творчеством Р. Рорти, Х. Патнэма, Р. Брэндома, Дж. Марголиса, Н. Решера и ряда других мыслителей, чьи работы способствовали, с одной стороны, возрождению национальной философской традиции (которая, как думалось многим, исчерпала себя после смерти Дж. Дьюи), а с другой – популяризации континентальной философии в США: герменевтики, экзистенциализма, философской антропологии. Что общего у философов, называющих себя прагматистами сегодня, в XXI в.? Вправе ли мы говорить о «новом» прагматизме как единой традиции или школе? Если да, чем обеспечивается это единство? Наконец, каковы отличительные особенности современного прагматизма, позволяющие исследователям выделять, а в некоторых случаях и противопоставлять его прагматизму классическому? Попробуем ответить на эти вопросы.

Некоторые современные авторы, в частности, Ш. Мисак [\[1, с. 1–6\]](#), С. Хаак [\[2, с. 28–33\]](#) и А. Малаховски [\[3, с. 6–16\]](#), различают *нео* прагматизм и «*новый*» прагматизм, подчеркивая, что «*новые*», в отличие от *нео* прагматистов, не склонны позиционировать себя как продолжателей интеллектуальной традиции, восходящей к Ч.С. Пирсу и У. Джеймсу, не апеллируют к классикам и не видят необходимости в ревальвации их идей. С определенными оговорками, к таким «новым» можно отнести Р. Брэндома, Р. Шустермана, К. Купмана, но не Рорти и Патнэма, которых связывает с ранними прагматистами значительно больше, чем может показаться на первый взгляд. Между тем, именно экс-аналитик Рорти, чья полемика с Патнэмом продолжалась без малого 30 лет, внес наибольший вклад в возрождение прагматистской традиции во второй половине XX в.

Живучесть прагматизма, по справедливому замечанию Н. Юлиной, во многом объясняется его «минусами»: размытостью теоретических оснований, нередуцируемостью к общим гносеологическим принципам, отсутствием строгой и ясной методологии. Аутентичный – гарвардский – прагматизм «был не систематической философией, а скорее набором противоречивых установок, что позволяло его последователям безболезненно выбирать одни установки и отказываться от других» [\[4, с. 488\]](#). Было бы ошибкой рассматривать его через узкую призму какого-то ограниченного набора необходимых и достаточных элементов, считает Б. Батлер. «“Идентичность” прагматизма задается множеством составляющих; их сочетание и развитие определяет преемственность философской традиции» [\[5, с. 28\]\[1\]](#).

Каждый современный философ, пишущий о прагматизме либо заявляющий о своей принадлежности к этому направлению, находит в работах предшественников что-то свое и по-своему «фабрикует» традицию. Р. Брэндом записывает в прагматисты Фреге, Куайна и Гегеля, К. Уэст – Эмерсона и Рейнхольда Нибура, Р. Рорти – Хайдеггера, Витгенштейна и Дэвидсона. Конечно, эти историко-философские реконструкции и теории, их обосновывающие, не всегда сочетаются между собой. О современном прагматизме, иронизирует историк и социолог знания Дж. Клоппенберг, точнее не скажешь, чем перефразируя У. Джеймса: *старое имя для новых* – и очень разных – способов рассуждения [\[7, с. 83–84\]](#).

Одно из принципиальных отличий современного прагматизма от классического

заключается в изменении представлений американских философов о специфике их дисциплины, о целях философии и ее месте в системе наук. Классики (Ч.С. Пирс, Дж. Дьюи, К.И. Льюис), имея в виду инструментальный успех и практическую направленность естественнонаучных программ, рассматривали современную им технотнауку как модель-образец для философии и гуманитарной культуры, в то время как новые прагматисты поднимают на щит науки о духе, литературу и *cultural studies*, отвергая физикализм/логицизм/эпистемологизм как пережиток сциентистской эпохи. «Эпистемологические проблемы обоснования, верификации, научно-экспериментального подтверждения и опровержения, занимавшие классиков прагматизма, отходят на второй план, уступая место проблематике диалога, коммуникации, описания и консенсуса» [\[8, с. 59\]](#). Такая переориентация способствовала проникновению прагматизма на факультеты литературоведения, истории, социологии и права. Именно внефилософской («литературной») аудитории в значительной степени обязаны своей популярностью Р. Рорти, Р. Шустерман, Р. Бернштейн, Р. Невилл, С. Кейвл, С. Малуа. Новые прагматисты, отмечает П. Анжель, – «бывшие “аналитические” философы, отвергающие метафизику, логику и науку», – демонстрируют подход, «в корне отличный от исконного прагматизма Пирса – научного, метафизического, логицистского. Они чем-то напоминают экс-коммунистов, сделавшихся апостолами экономического либерализма» [\[9, с. 27\]](#)[\[2\]](#). Другой историк прагматизма, Р. Оксер, усматривает в «методофобии» Рорти и его литературно-философских последователей реакцию на «эпистемологизм» К.И. Льюиса, У. Куайна и Д. Дэвидсона – аналитических прагматистов, для которых характерна «ориентация на метод» [\[11, с. 180\]](#)[\[3\]](#).

Неопрагматизм отказывает «научной» (мнящей себя таковой) философии в статусе *scientia scientiarum*. Само противопоставление точных наук как «рациональных» гуманитарному знанию как «нерациональному» – различие, которому отдавали дань прагматисты старшего поколения, – неприемлемо для Рорти и Патнэма, поскольку ведет к порочной, по их мнению, иерархизации культуры с выделением «привилегированных» дисциплин-жанров, якобы обладающих особым когнитивным статусом в противовес некогнитивным жанрам. Уравнивая в правах религию, философию, науку и литературу, новый прагматизм предлагает рассматривать различные «культурные жанры» просто как «альтернативные способы решения экзистенциальных проблем, требуя различения скорее между успехом и неудачей, чем между рациональностью и иррациональностью» [\[13, с. 66\]](#).

В 1980–90-е гг. американские прагматисты выдвинули лозунг «регуманизации» философии, возвращения ее человеку. Показательна в этом отношении книга Ричарда Шустермана «*Practicing Philosophy: Pragmatism and the Philosophical Life*» (1997). Между действительными – «жизненно важными» – человеческими проблемами и практическими потребностями, с одной стороны, и «схоластической» проблематикой высоких философских дебатов, с другой, между жизнью и кабинетным академическим мудрствованием пролегает целая бездна, сетует Шустерман. Подлинная задача философии в наше время, как и две тысячи лет назад, заключается в том, чтобы связать теорию с практикой. Выбор между двумя установками – *теоретической* и *практической* – не составляет дилеммы. Философия-как-теория лежит в основании жизненной практики, практика же является ее выражением и осуществлением. Именно так мыслили греки, «прото-прагматисты» сократики, стоики и эпикурейцы. Они рассматривали теорию не иначе как инструмент практического философствования – искусства разумной и праведной жизни (*techne tou biou*). Прагматизм, по мнению Шустермана, возвращает западную философию к этой традиции [\[14, с. 3–6\]](#).

У Ю. Хабермаса были все основания называть прагматизм рубежа XX–XXI вв. «разновидностью *Lebensphilosophie*» [15, с. 7]. За критикой «пустого академического теоретизма» [16, с. 210] и выпадами против «умственной ограниченности, высокомерия и снобизма» [6, с. 828] университетских профессоров стоит желание прагматистов приблизить философию к жизни. «Если в прежние времена, – говорит Патнэм, – метафизика находилась в прямой органической связи с культурой и с потребностями эпохи, благодаря чему имела возможность влиять на образ жизни людей, причем не всегда в худшую сторону, то метафизика наших дней не связана ни с чем и не основана ни на чем, кроме сомнительных “интуиций” горстки философов» [17, с. 197]. Профессиональной философии в США, по мнению Патнэма, еще предстоит заново обрести себя в «жизненном мире» человеческих отношений и экзистенциального опыта. От бесконечного и бесплодного problem-solving она должна перейти к исследованию актуальных проблем человека и общества, от *схоластически-институционального* (Schulbegriff) – к *мировому* (Weltbegriff) «формату» философствования [10, с. xxiv–xxxii]. Для Патнэма прагматизм – не просто академическая традиция или школа, а нечто большее: «образ жизни» [18].

Выражая свои симпатии к новому прагматизму, Дж. Райчман во введении к антологии «Постаналитическая философия» констатирует пробуждение интереса американских философов к истории, а также религии и морали [19, с. xiii]. В отличие от профессиональных аналитических философов, современные прагматисты – социально и политически ангажированные мыслители (название книги Рорти «Философия как культурная политика» говорит само за себя). Многие из них участвуют в публичных дебатах и общественной жизни, публикуются в СМИ. Сто лет назад это считалось нормальным – мнение Дьюи, что философия должна служить обществу, никем не оспаривалось. К концу XX в. ситуация изменилась. Академическая философия в США, отмечает Б. Куклик, постепенно утратила «гражданскую функцию», уступив пальму первенства журналистике и литературе [20, с. 147–149]. «Университетские профессора не нуждаются более в широкой образованной публике, откровенно гнушаются ей, – сетует Р. Якоби. – Кампусы – их среда обитания; коллеги по факультету – целевая аудитория; научные монографии и специализированные издания для узкого круга – средства коммуникации... Профессионализм торжествует, а публичная культурная жизнь деградирует» [21, с. 6, 8]. С возрождением прагматизма многие связывают перспективу восстановления общественного авторитета и публичного статуса философии, ее социальной «миссии».

Впрочем, далеко не последнюю роль в реставрации прагматизма сыграл как раз «институциональный» фактор – профессиональная принадлежность его новейших адептов к аналитической традиции. «К суждениям Рорти и Патнэма о прагматизме прислушивались уже потому, что оба пользовались известностью и признанием в философской среде ... считались “своими”» [3, с. 16]. Аналитическое прошлое (а в случае Брэндома, Марголиса, Китчера, Пилстрёма настоящее) американских и европейских неопрагматистов дает о себе знать в их тяготении к лингвистическому анализу, к исследованию проблем дискурсивной коммуникации, нормативности, перевода и т.д. Язык, отмечает Д. Андерсон, всегда был в центре внимания постаналитических прагматистов, «начиная с попыток Селларса преодолеть разделение лингвистического и эмпирического миров ... и заканчивая “словарями” Рорти, а также логическими системами Брэндома. Здесь можно увидеть прямую преемственность по отношению к различным программам лингвистического анализа начала XX в. ... Селларс и Рорти,

каждый по-своему, говорили о социальных и культурных практиках, но оба не выходили за рамки лингвоцентризма. Подобная сфокусированность на языке ... показала бы ранним прагматистам слишком узкой» [22, с. 24]. Вместо «опыта», базового понятия раннего прагматизма, новые прагматисты вводят понятие «дискурса». За это их критикуют приверженцы классических версий прагматизма («классикопрагматисты» [23, с. 75]), настаивающие на нередуцируемости человеческой практики к языку и вербальной коммуникации [4]. (Ранние прагматисты, сознавая опасность «культуризации», подчеркивали, что «за лингвистическим, познавательным, эстетическим опытом лежит нечто большее – биологическое, дорефлексивное взаимодействие с природой... Именно оно первично» [24, с. 176]. Натурализм Джеймса и Дьюи, их аргументы против номенализма и семантического идеализма, по мнению Н. Юлиной, все еще актуальны «в спорах с теми, кто не видит выхода из “лингвистической тюрьмы”» [Там же].)

С характерной для поствитгенштейнианской аналитической философии «сфокусированностью» на языке связана другая особенность прагматизма, отмечаемая современными исследователями, а именно *коммунологическая тенденция* (от англ. *community* – сообщество), получившая радикальное выражение в этноцентризме Рорти. Эта тенденция, которую легко проследить в творчестве большинства философов-прагматистов, восходит к раннему Пирсу и его критике картезианского «субъективизма». «В высшей степени пагубно, – писал основоположник прагматизма, – делать отдельного индивидуума абсолютным судьей истины» [25, с. 49]; «идеальное совершенство знания... должно принадлежать сообществу» [26, с. 90]. Говоря о «сообществе исследователей», Пирс имел в виду, прежде всего, профессиональных ученых, но не только. «Он вкладывал в это понятие широкий *метафизический* смысл, – разъясняет Бернштейн. – В действительности, Пирс был мыслителем, инициировавшим масштабный сдвиг в философии от парадигмы субъективности и индивидуального сознания... к тому, что Юрген Хабермас и Карл-Отто Апель называли “парадигмой коммуникативной рациональности”» [27, с. 142]. Последователи Пирса Ч. Моррис и Дж.Г. Мид подчеркивали интерсубъективный, *социальный* характер философского и научного знания. Идея сообщества – «лингвистического» (Х. Патнэм), «дискурсивного» (Дж. Марголис), «культурного» (Б. Сингер), «нормативного» (Р. Брэндом), «делиберативного» (Р. Талисс), «эпистемического» (С. Хаак), «разговорного» (Р. Рорти), «правового» (С. Смит), «интерпретативного» (С. Фиш) и т.д. – вошла «в плоть и кровь» американского прагматизма середины и второй половины XX столетия.

Благодаря оживлению философского диалога между США и Европой прагматизм к концу прошлого века приобрел популярность и относительное признание в Германии, Италии, Нидерландах, Финляндии, Чехии и ряде других стран. Избавившись от «налета интеллектуального провинциализма» [3, с. 3], он расширил свою международную аудиторию, не утратив при этом американского колорита. В контексте поляризации и взаимного отчуждения англосаксонской и континентальной традиций прагматический «способ мышления» (о котором Джеймс в свое время писал, что он идеально подходит для «улаживания метафизических споров» [28, с. 45]) оказался востребован – быть может, неожиданно для самих прагматистов – как положительная альтернатива логоцентризму аналитической философии, с одной стороны, и деконструктивистским тенденциям «постфилософии», с другой. В отличие от европейского постмодерна и родственных ему современных течений, прагматистский вариант критики «метаповествований», эссенциализма и фундаментализма позволяет уйти от абстрактно-спекулятивного рассуждения, не впадая в противоположную крайность релятивистского

произвола и антитеоретизма. Прагматизм, убеждены его нынешние сторонники, мог бы внести решающий вклад в сближение и взаимообогащение аналитической и континентальной философии, в преодоление раскола между двумя традициями. Такие авторы, как Рорти, Брэндом и Патнэм, уже многое для этого сделали.

Интересно, что в самом американском прагматизме можно выделить две тенденции мысли, сопоставимые с направлениями аналитической философии, с одной стороны, и континентальной интеллектуальной традиции, с другой. «Правому» прагмати(ци)зму Пирса и его философских последователей (позднего Дьюи, Льюиса, Хаак, Патнэма, Решера) историки философии (и сами философы-прагматисты) иногда противопоставляют «левый», более открытый и дивергентный, менее фиксированный на эпистемологической проблематике, несциентистский прагматизм джеймсианцев – раннего Дьюи, Шиллера, Дьюба, Рорти, Шустермана и др. Полемика Патнэма с Рорти важна для понимания сути этого теоретико-методологического размежевания внутри прагматизма. Как и его визави, Патнэм многим обязан Джеймсу, однако, по справедливому замечанию Бернштейна, «глубокое интеллектуальное родство связывает его именно с Пирсом. ... В центре его внимания всегда были логика, основания математики и физики. ... Между реализмом Пирса и тем, что Патнэм защищает под именем "прагматического реализма" – реализма с маленькой "р", – существует прямая преемственность. Как раз здесь Патнэму противостоит Рорти» [\[6, с. 825\]](#). Философия Брэндома, сочетающая в себе элементы антирепрезентационизма Рорти и реализма Патнэма, может рассматриваться как вариант «компромисса» между двумя указанными тенденциями.

XX век, вопреки мнению отдельных исследователей [\[29, с. 13\]](#), не был для западной философии «Веком Прагматизма» (скорее, «Анализа» [\[30\]](#) или «Языка» [\[31\]](#)). Станет ли таковым век XXI? С учетом преобладающих в профессиональном философском сообществе настроений, едва ли. Но и говорить об «упадке» традиции [\[32, с. 16\]](#), ведущей от Уильяма Джеймса к Рорти и от Чарльза Сандерса Пирса к Патнэму, нет оснований. Можно предполагать, что теоретические проблемы, поднятые новыми прагматистами, их философские интуиции и идеи еще долго будут находиться в центре оживленных интеллектуальных дискуссий, в значительной степени определяя характер и вектор развития не только академической философии в США, но и западной гуманитарной культуры в целом.

[\[1\]](#) Ср.: «Наше представление о традиции станет богаче и адекватнее, если мы будем рассматривать ее как продолжающийся диалог, в котором участвует несколько очень разных и порой диссонирующих "голосов"» [\[6, с. 824\]](#).

[\[2\]](#) Сказанное Анжелом едва ли относится к Патнэму или Брэндому, которых он причисляет (безосновательно) к «антинаучным» философам. Достаточно процитировать следующее высказывание Патнэма: «Философия, несомненно, представляет собой одну из гуманитарных, а не естественнонаучных дисциплин. Однако это не исключает ни символической логики, ни уравнений, ни доказательств» [\[10, с. 118–119\]](#).

[\[3\]](#) Рорти, впрочем, видит ситуацию несколько иначе, чем Оксьер: «Куайн, Патнэм и Дэвидсон – все трое – носят ярлык "аналитический философ", но никто из них не помышляет о себе как о приверженце метода под названием "концептуальный анализ" или еще какого-нибудь метода. Так называемый "пост-позитивистский" вариант аналитической философии, созданию которого способствовали эти три философа, примечателен именно свободой от какого-либо методопоклонства (methodolatry)» [\[12, с.](#)

[211](#).

[4] Колин Купман выражает надежду, что раскол между нео- и классикопрагматистами в скором времени будет преодолен. «Мы являемся свидетелями растущего понимания того, что в действительности ничто не мешает сторонникам прагматизма черпать идеи и вдохновение из обоих источников – у Джона Дьюи и одновременно у Ричарда Рорти, у Джеймса – и Патнэма, у Пирса – и Брэндома» [\[23, с. 3\]](#).

Библиография

1. Misak C. Introduction // *New Pragmatists* / Ed. by C. Misak. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 1–6.
2. Haack S. Pragmatism, Old and New // *Contemporary Pragmatism*. 2004. Vol. 1. № 1. P. 3–41.
3. Malachowski A. *The New Pragmatism*. Duhram: Acumen, 2010. 161 p.
4. Юлина Н. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+, 2010. 600 с.
5. Батлер Б. [Ответы на вопросы интервью] // *Прагматизм и его история: Современные интерпретации* / Отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2018. С. 28–32.
6. Bernstein R. The Resurgence of Pragmatism // *Social Research*. 1992. Vol. 59. № 4. P. 813–840.
7. Kloppenberg J.T. Pragmatism: An Old Name for Some New Ways of Thinking? // *The Revival of Pragmatism. New Essays on Social Thought, Law, and Culture* / Ed. by M. Dickstein. Durham: Duke University Press, 1998. P. 83–127.
8. Hickman L.A. Truth Deflationism, Technology, and Classical Pragmatism // *Acta Philosophica Fennica*. 2009. Vol. 86. P. 53–67.
9. Анжель П. [Ответы на вопросы интервью] // *Прагматизм и его история: Современные интерпретации* / Отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2018. С. 26–27.
10. Putnam H. *Realism with a Human Face*. Cambridge: Harvard University Press, 1990. 347 p.
11. Auxier R. The Decline of Evolutionary Naturalism in Later Pragmatism // *Pragmatism: From Progressivism to Postmodernism* / Ed. by R. Hollinger, D. Depew. Westport: Praeger, 1995. P. 180–207.
12. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное / Пер. с англ. С. Серебряного // *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст* / Отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997. С. 11–44.
13. Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 226 p.
14. Shusterman R. *Practicing Philosophy: Pragmatism and the Philosophical Life*. N.Y.; L.: Routledge, 1997. 240 p.
15. Habermas J. "... And to Define America, Her Athletic Democracy": The Philosopher and the Language Shaper. In *Memory of Richard Rorty* // *New Literary History*. 2008. Vol. 39. № 1. P. 3–12.
16. West C. *The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism*. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. 292 p.
17. Putnam H. *Renewing Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. 234 p.
18. Putnam H., Putnam R.A. *Pragmatism as a Way of Life: The Lasting Legacy of William James and John Dewey* / Ed. by D. Macarthur. Cambridge: Harvard University Press,

2017. 475 p.

19. Post-Analytic Philosophy / Ed. by J. Rajchman, C. West. N.Y.: Columbia University Press, 1985. 275 p.
20. Kuklick B. American Philosophy and Its Lost Public // Pragmatism: From Progressivism to Postmodernism / Ed. by R. Hollinger, D. Depew. Westport: Praeger, 1995. P. 142–152.
21. Jacoby R. The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. 2nd edition. N.Y.: Basic Books, 2000. 320 p.
22. Андерсон Д. [Ответы на вопросы интервью] // Прагматизм и его история: Современные интерпретации / Отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2018. С. 23–25.
23. Koopman C. Pragmatism as Transition. Historicity and Hope in James, Dewey, and Rorty. N.Y.: Columbia University Press, 2009. 274 p.
24. Юлина Н. Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997. С. 156–188.
25. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
26. Пирс Ч.С. Начала прагматизма / Пер. с англ. В. Кирющенко, М. Колопотина. СПб.: Алетея, 2000. 318 с.
27. Bernstein R. Community in the Pragmatic Tradition // The Revival of Pragmatism. New Essays on Social Thought, Law, and Culture / Ed. by M. Dickstein. Durham: Duke University Press, 1998. P. 141–156.
28. James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. N.Y.: Longmans, Green & Co., 1907. 308 p.
29. The Pragmatic Century: Conversations with Richard J. Bernstein / Ed. by S.G. Davaney, W.G. Frisina. Albany: SUNY Press, 2006. 227 p.
30. The Age of Analysis: Basic Writings / Ed. by M. White. Boston: Signet, 1955. 253 p.
31. Modern Philosophy of Language / Ed. by M. Baghramian. Washington: Counterpoint, 1999. 428 p.
32. Diggins J.P. The Promise of Pragmatism: Modernism and the Crisis of Knowledge and Authority. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 515 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой чрезвычайно интересный опыт описания важного движения американской философии, значение которого сегодня далеко выходит за пределы Соединённых Штатов, – неопрагматизма. Автор ставит перед собой задачу выявить основные особенности современного американского прагматизма, в котором, по его мнению, традиция прагматизма как американской «национальной» философии и сочетается с деятельностью по популяризации в Соединённых Штатах наиболее значимых направлений «континентальной» философии, – феноменологии, экзистенциализма, философской антропологии. Возможность подобного дополнения прагматизма новыми идеями, справедливо отмечает автор, обусловлена природой самого этого движения, в котором изначальная неопределённость методологической

базы и содержания допускала «пополнение багажа идей», которые могли заимствоваться из разных источников. Насколько широк этот выбор, можно судить по тому, что в перечень «собеседников» попадали такие разные мыслители, как Гегель, Хайдеггер, Витгенштейн. Но ещё более важное отличие «нового прагматизма» состоит в его интересе к гуманитарным наукам и литературе, занимающим то место, которое прежде – в качестве модели построения философии – отводилось естественнонаучным программам. Разумеется, это необычайно расширило возможности философии в академической среде, способствовало возникновению или возрождению интереса к ней в тех областях духовной жизни, которые прежде были далеки от философии, поскольку последняя сама носила подчеркнуто сциентистский характер. Поэтому, полагает автор, в данном случае справедливо говорить о «регуманизации» философии, что подтолкнуло Ю. Хабермаса к выдвижению тезиса о неопрагматизме (или «новом прагматизме») как разновидности «философии жизни». Поскольку автор сочувственно излагает эту эволюцию, можно сделать вывод, что он позитивно оценивает изменения, позволившие философии снова обращаться к более широкой аудитории, пусть даже это и было связано с частичной утратой философией статуса «рациональной» деятельности (философия зачастую приравнивается теперь в американских университетах к роду литературы или даже к религиозным представлениям, для которых рациональное обоснование не более важно, чем эмоционально-духовная значимость). Ещё одна весьма значимая черта «нового прагматизма» – «коммунологическая тенденция» (впрочем, об этом обстоятельстве писал ещё Ю.К. Мельвиль), которая избавляет философов от тенденции «субъективизации» философского знания, в той или иной степени характерной для большинства направлений постклассической философии. Да и дискуссии внутри самого современного прагматизма, в которых сталкиваются «правые» («традиционалисты» от прагматизма) и «левые» (готовые адаптировать к его потребностям самый разнообразный набор идей) сами по себе уже составляют «нерв» эволюции этого широкого и разнородного движения. Статья носит обзорный характер, она может быть интересна и тем читателям, которые отдают предпочтение далёким от прагматизма явлениям истории философии или современной философской культуры. Вместе с тем, она написана исключительно профессионально, рецензенту не удалось обнаружить какой-либо «оплошности», которая позволила бы упрекнуть автора в поспешности подготовки текста, не говоря уже о более серьёзных недостатках. Уверен, что рецензируемая статья заслуживает публикации в научном журнале.